

Оценивая рецензируемый труд белорусских коллег в целом положительно, хотелось бы высказать и некоторые пожелания. Так, при анализе факторов, влияющих на характер и темпы этнообразующих процессов у белорусов, основательно анализируются социально-экономические, демографические факторы, однако влияние государства на развитие этноса освещено недостаточно.

На мой взгляд, в работе сделан заметный шаг в исследовании формирования и развития этнического самосознания белорусов, но эти вопросы требуют более глубокого рассмотрения с учетом региональной специфики, этнического состава населения, национальной политики государства.

Рецензируемая работа – событие в научном мире. В этом томе проблемы этнической истории белорусов освещены на основе анализа и обобщения данных огромного числа источников, и это стало основой плодотворного раскрытия темы. Книга представляет большой интерес не только для специалистов, занимающихся аналогичными или близкими проблемами, но и для широкого круга читателей, которым интересна история белорусского народа и особенности его культуры.

Примечания

¹ Рец. на 3-й том см.: Этнограф. обозрение. 2001. № 5.

² Пилипенко М.Ф. Возникновение Белоруссии. Новая концепция. Минск, 1991.

Р.А. Григорьева

© ЭО, 2003, № 6

На путях биологической истории человечества / Отв. ред. А.А. Зубов, Г.А. Аксянова. Т. I. 202 с. Т. II. 258 с. М., 2002.

Выход в свет двухтомного сборника статей “На путях биологической истории человечества” стал заметным событием в антропологической науке. Авторский коллектив представляют, в основном, специалисты, работающие в различных учреждениях Москвы – в Институте этнологии и антропологии РАН, Институте и Музее антропологии МГУ, на кафедре антропологии биологического факультета МГУ. Такой состав авторов вполне отражает, во-первых, пограничное положение антропологии в системе гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, а, во-вторых, соответствует теме, сформулированной в названии сборника. Статьи построены на материалах антропологических (по сути своей, имеющих биологическую природу), но с их помощью решаются вопросы исторического плана. В этом смысле тематика сборника лежит в той области знаний, которую В.П. Алексеев обозначил как “историческая антропология”¹. Это направление антропологии, нацеленное на решение проблем специфики исторического развития биологического вида, предоставляющее для исторической реконструкции ценный и специфический источник, независимый от культурных влияний и заимствований.

Хронологический охват материалов сборника исключительно широк. Древнейшим этапам посвящен первый раздел. Его открывает работа А.А. Зубова “Первые гоминиды”. В статье дается очерк истории важнейших открытий в этой области – от первых находок яванских питекантропов и африканских австралопитеков до сравнительно недавних. Каждая из находок (прежде всего австралопитековые) характеризуется автором в контексте этапов развития научной мысли в понимании особенностей эволюции человека. Уже стало общепринятым, что модель этой эволюции отнюдь не сводится к прямой восходящей линии. Однако на современном этапе развития антропологии, которая должна учитывать и данные молекулярной генетики, рутаются классификации древнейших гоминид, которые еще вчера считались спорными в деталях, но достаточно устойчивыми. В частности, эти данные заставили некоторых ученых включить в род *Номо* гориллу и шимпанзе, что приводит к полному переосмыслению систематики древнейших предков человека. Рассматривая остро дискуссионные аспекты построения этой новой систематики, А.А. Зубов предлагает отказаться и от чрезмерного дробления различных форм австралопитековых, и от тенденции к их неоправданному объединению. Статья иллюстрирована большим числом фотографий редких находок.

Изучение сложных проблем антропогенеза немыслимо без развития этологии – направления антропологии, изучающего поведение обезьян. Этологические знания дают возможность построить вероятные, но приближенные к историческим реалиям модели формирования социальной структуры древних гоминид, которая, в конечном счете, определила не только собственно социальный, но и биологический статус человека современного, специфику его биологической эволюции. Именно этой области антропологических знаний посвящена статья С.В. Васильева и С.Б. Борудской “Онтогенез коммуникации шимпанзе (в связи с некоторыми проблемами антропогенеза)”. В статье дается краткий историографический очерк

развития этологических исследований. На данных, полученных по результатам наблюдения над конкретными животными и обобщенных в таблицах частоты встречаемости тех или иных элементов коммуникации, делаются важные заключения, направленные на построение цепочек коммуникаций. Эти сложные по сути, и потому многолинейные цепочки строятся с помощью простых, но надежных методов статистики, что придает выводам авторов обоснованность и наглядность. Один из главных состоит в том, что при высокой индивидуальной изменчивости наибольшее значение в коммуникативной системе человекообразных обезьян имели элементы дружелюбного контекста поведения. Именно этот фактор коммуникации на фоне общей полифункциональности сигналов сыграл, очевидно, важнейшую роль в становлении первых социальных ячеек древнейших предков человека.

Второй раздел сборника – “Характеристики популяций современного человека во времени и пространстве” – состоит из двух частей (ч. 1 опубликована в I т. сборника, а ч. 2 – во II т.).

Первая часть второго раздела открывается статьей Г.Л. Хить и Н.А. Долиновой “Дерматоглифика человеческих рас и популяций: таксономический аспект”, хорошо иллюстрированной таблицами, графиками и дендрограммами и рассматривающей дерматоглифическую дифференциацию человечества на уровне больших рас и составляющих их популяций. Как известно, в современной зарубежной антропологии в последние десятилетия отчетливо проявилась тенденция к отрицанию рас у человека. Недавно группа московских специалистов, работающих в разных направлениях антропологии, высказала отношение к этой не оправданной с научной точки зрения тенденции². Дерматоглифические материалы, представленные в статье Г.Л. Хить и Н.А. Долиновой, со всей очевидностью демонстрируют факт расовой дифференциации современного человечества. Каждая из больших рас оказывается обособленной, занимая собственный квадрант в пространстве главных компонент, причем женские и мужские дерматоглифические выборки проявляют идентичные или сходные направления изменчивости. Аналогичные явления проявляются и на более низком, популяционном уровне исследования. На данных дерматоглифики авторы убедительно подтверждают идею выделения трех расовых стволов – западного (европеоиды), южного (негроиды Африки) и восточного (монголоиды, австралоиды, американоиды).

Статья А.Л. Пурунджана “Морфологический состав населения России и сопредельных стран” продолжает разработку проблемы территориальной дифференциации человеческих популяций на соматических материалах. Уже на первых страницах автор приводит убедительные статистические данные в пользу дискретного характера географического распределения большинства морфологических показателей. С использованием методов многомерной статистики А.Л. Пурунджан выделяет и детально характеризует морфологические типы населения Северной Евразии (б. СССР). Самостоятельные морфологические варианты представляют восточноевропейский, кавказский, восточный и центральноазиатский типы. Анализ материалов 60-ти этнотерриториальных групп свидетельствует, что характер антропологического покрова каждого из регионов определяется, в конечном счете, морфологическими особенностями аборигенного ядра каждого из них. Это обстоятельство, с одной стороны, позволяет рассматривать специфику морфотипов современного населения в историческом контексте, а с другой – еще раз заставляет вспомнить блестящие разработки В.В. Бунака, который еще в 30-е годы XX в. доказывал историзм механизмов формирования человеческих рас³.

В статье “Население средневековой Европы: соотношение антропологических и этнокультурных общностей” С.Г. Ефимова анализирует многочисленные краниологические серии (504 выборки), которые дают возможность рассмотреть специфику их географического распределения на этнополитической карте Европы V–XV вв. Используя канонический (многомерный) анализ десяти таксономически значимых краниологических признаков, С.Г. Ефимова провела картографирование полученных краниологических комплексов. Этот подход позволил автору высказать весьма интересные суждения, в частности, об антропологическом типе средневековых славян. По данным автора, он формировался на основе интенсивной метисации гетерогенных групп славянского населения с тоже неоднородными по антропологическому составу популяциями, проживавшими на осваиваемых славянами территориях Восточной Европы. Этот вывод подтверждает в целом давние концепции Т.И. Алексеевой (1973)⁴, но собственные изыскания С.Г. Ефимовой позволяют в ряде случаев уточнить и детализировать особенности этого процесса в пределах конкретных этногенезов и конкретных территорий, рассмотреть его на более широком (с учетом накопленных данных) фоне. С.Г. Ефимова убедительно показывает роль интенсивных миграционных процессов в формировании современного антропологического покрова Восточной Европы, что обусловило смешанность антропологического состава ее населения. Вместе с тем на статистическом, вероятностном уровне ей удалось все же показать дискретность этнотерриториального распределения исходных антропологических вариантов, которые приняли участие в этом смешении, предложить гипотезы их происхождения.

Статья Д.В. Пежемского “Материалы к антропологии городского населения Новгорода Великого XI–XIII веков”, в отличие от предыдущей, построена на изучении небольшого в численном отношении материала (иногда речь идет об исследовании отдельных черепов или даже их фрагментов). Однако эти чере-

па представляют древнейший пласт средневекового городского населения Руси, что делает каждую находку такого рода уникальной. Малое количество материала потребовало от автора скрупулезного и всестороннего анализа находок, тщательного их описания. Такой подход позволил сделать предварительные, но важные выводы, касающиеся характеристик антропологического состава средневекового Новгорода. В частности, было высказано предположение о наличии в серии XI–XIII вв. двух краниологических вариантов, каждый из которых имеет собственное происхождение. Один из этих вариантов обнаруживает краниологическое сходство с синхронным населением Пскова. Менее обоснованным (с учетом численности выборок) представляется вывод Д.В. Пежемского о различиях в направлениях изменчивости у мужчин и женщин Новгорода XVI–XVII вв. (происхождение мужского компонента определено связывается с Московскими землями). Возможно, что впечатление о недостаточной обоснованности этого вывода возникает из-за отсутствия в статье цифровых сравнительных материалов, которые могли бы читателю составить собственное представление на этот счет.

“Новгородская” тематика продолжена статьей А.В. Степановой “Морфо-функциональная характеристика сельского населения Новгородской области”. На этот раз речь идет о физических характеристиках современного населения региона. В статье подчеркивается адаптивное значение нейроэндокринной системы человека, причем особое значение здесь имеют половые гормоны, которые и стали основным объектом исследования. С использованием статистических приемов анализа была показана связь между эндокринным статусом и морфо-физиологическими характеристиками сельского населения Новгородской обл. Выводы автора в определенной мере можно распространить на общие закономерности проявлений полиморфизма и фактора стабилизирующего отбора у современного человечества.

Том II сборника открывается статьей Г.А. Аксяновой и Г. Гельдыевой “Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-западного Туркменистана”. Здесь рассматриваются палеоодонтологические материалы, собранные в свое время туркменскими антропологами О. Бабаковым и Г. Гельдыевой, которые датируются довольно широко (от конца I тыс. до н.э. до первых веков н.э.) и происходят из двух районов Восточного Прикаспия – Заузбойского плато и Присарыкамьшья. Оба они в рассматриваемый период были заселены скотоводческими популяциями. В работе дается подробное описание таксономически значимых в расоэнетическом отношении одонтологических признаков, зафиксированных в сериях, и на основе применения статистических методов выявляются закономерности в их географическом и хронологическом распределении. Авторы приходят к выводу о существенности различий между двумя указанными одонтологическими комплексами. В целом же обе серии представляют южных грацильных европеоидов. Эти выводы хорошо согласуются и с культурологическими, и с краниологическими данными, происходящими с этих же территорий⁵. Истоки восточного одонтологического комплекса, зафиксированного авторами у античного населения Северо-Западной Туркмении, авторы склонны рассматривать только как проявления ранних этапов расообразования, исключая при этом вероятность участия в его формировании популяций центральноазиатского происхождения. Однако с учетом данных археологии и палеоантропологии, которые свидетельствуют об участии зауральских и, вероятно, центральноазиатских групп в процессе формирования культурных особенностей и физического типа населения Присарыкамьшья раннесакской эпохи⁶, этот вывод представляется, во всяком случае, не столь однозначным.

Статья Т.К. Ходжайова и Т.П. Кияткиной “Археолого-антропологическая характеристика населения джетыясарской культуры Восточного Приаралья” также посвящена антропологии древнего населения Приаралья. В основу исследования положены многочисленные краниологические материалы, собранные при раскопках некрополей в окрестностях городища Алтын-асар на Нижней Сырдарье. Много места в тексте уделено излишне подробным описаниям топографического расположения отдельных могильников, но они не проиллюстрированы картой-схемой, что делает их “слепыми”. Беглая археологическая характеристика могильников построена с использованием ссылок только на работы Л.М. Левиной, хотя приведенная в них типология и хронология джетыясарских памятников остается в археологии Приаралья объектом дискуссии.

Для внутри- и межгруппового анализа краниологических серий используется один из традиционных в антропологии способов суммарного сопоставления – метод вычисления обобщенных расстояний Пенроуза. Авторы приходят к выводам о гетерогенности джетыясарского населения, с одной стороны, и о большей или меньшей степени краниологического сходства населения, оставившего разные могильники, с другой. К сожалению, при этом не дается обычного для работ такого рода описания морфологических комплексов. В статье отсутствуют и цифровые материалы, которые могли бы дать возможность читателю сделать собственные выводы на этот счет. Опубликованные дендрограммы не позволяют судить о масштабе сходств и различий между сериями, поскольку на графиках почему-то отсутствуют величины дистанционных расхождений.

Этот же метод и в том же виде используется и в качестве приема межгруппового сопоставления. Название дендрограммы на рис. 7 (анализ серий II в. до н.э. – II в. н.э. и синхронные серии) не соответствует

ее содержанию, поскольку в расчетах участвуют заведомо асинхронные материалы, например, Уйгарак – VII–VI вв. до н.э. Авторы не объясняют, исходя из каких соображений они отбирали материалы для сравнения. В работе отсутствуют ссылки на авторов публикаций соответствующих краниологических серий, использованных в анализе. Я оставляю в стороне этический аспект такого способа изложения, но он вызывает у читателя массу вопросов. Среди них: кто такие “саки Асара” (в археологии Приаралья этот термин ни разу не употреблялся и является, очевидно, новаторским), какие именно материалы обозначены под названием “Тарымкая” (на возвышенности Тарым-кая в Присарыкамышье расположена система асинхронных могильников, датирующихся от VII в. до н.э. до III в. н.э.), почему авторы привлекают серию из могильника Тумек-Кичджик в Присарыкамышье, но не использовали синхронные раннесакские материалы из давно опубликованных сахарчагинских могильников, расположенных там же, но представляющих совершенно иной краниологический вариант⁷, какие материалы обозначены как “сарматы Поволжья” (сарматская культура Поволжья подразделяется на три этапа с хронологией от IV в. до н.э. до IV в. н.э.) и множество других. Хотя, быть может, это и не очень удобно, но рецензент все же должен напомнить, что им были изданы специальные монографические сводки по археологии и палеоантропологии Южного Приаралья⁸, которые, будучи учтенными авторами статьи, могли бы существенным образом облегчить выполнение их собственных задач.

Очевидные упущения авторов в способе подачи материалов, где, к тому же, вновь отсутствует их морфологический анализ, обесценивают труд, затраченный на выполнение самих расчетов. Наконец, авторы, комментируя полученные расстояния между сериями, ничего не говорят о исторических объяснениях краниологического сходства между, например, ранними саками Сырдарьи (могильник Южный Тагискен) и “усунями Тянь-Шаня”.

В завершении статьи приводятся результаты расчетов индексов уплощенности лицевого скелета (УЛС) в некоторых сериях. Не рассматривая сейчас методическую корректность этого приема (сам разработчик его, Г.Ф. Дебед, отмечал ориентировочное значение подобных расчетов, но ссылки на его авторство в рецензируемой статье отсутствуют), укажу лишь, что возможности корректного использования данного метода при работе с искусственно деформированными черепами представляются еще более сомнительными.

В статье отсутствуют обобщающие выводы, что в еще большей степени затрудняет для читателя осмысление представленного авторами, безусловно, интереснейшего материала.

Палеоантропологии средневекового Поволжья посвящена статья А.Г. Тихонова “Соотносительная изменчивость остеометрических и краниометрических признаков на примере серии из Селитренного городища”. По словам автора работы, главная ее цель состояла в том, чтобы на примере представительной серии, полученной при раскопках некрополей золотоордынского города Сарая Бату, выяснить, “насколько фиксируемые по черепу направления внутригрупповых различий коррелируют с изменчивостью посткраниального скелета”. Для решения этой задачи автор использует расчеты коэффициентов корреляции между некоторыми признаками черепа и посткраниального скелета. Оказалось, в частности, что уплощенность лицевого скелета в серии сопровождается тенденцией к уменьшению тотальных размеров тела. Сопоставление по сумме признаков позволило автору выявить в серии два основных слагающих ее морфологических компонента – европеоидный мезоморфный и монголоидный брахиморфный. Вывод автора о том, что череп имеет большее значение в расовой диагностике, а посткраниальный скелет – в исследовании ростовых процессов и при определении конституциональных различий, не является новым в антропологии, но он был получен не эмпирически, а на основании применения методов суммарного сопоставления, которые позволили установить конкретные цифровые выражения этой идеи. Остается лишь сожалеть, что А.Г. Тихонов не использовал в своем исследовании те возможности внутригруппового анализа, которые предоставляли ему данные по типологии погребального обряда некрополя Селитренного городища. Напомню, что ранее на статистическом уровне устанавливались определенные зависимости между типами погребального обряда этого некрополя и краниологическими комплексами⁹, и, конечно же, было бы интересно попытаться выявить в этом же контексте какие-то зависимости и по признакам посткраниального скелета. Впрочем, разработка этой проблематики может составить тему специального исследования.

Две статьи посвящены антропологии населения Вьетнама. Работа Нгуен Динь Кхоа “Антропологическая характеристика народов тайской языковой группы Вьетнама и их соседей” направлена на решение проблем, связанных с антропологическими результатами межпопуляционных контактов различных в этническом отношении народов, населяющих один из регионов Юго-Восточной Азии. Исследование построено на собранных автором соматологических и дерматоглифических данных с использованием принятых в российской антропологии программ. С учетом определенной специфики, общее морфологическое сходство трех этнических групп в составе населения Вьетнама позволяет все же ставить вопрос об их общем происхождении в составе южноазиатской малой расы тихоокеанских монголоидов (по классификации Н.Н. Чебоксарова). В статье также проводится детальный анализ морфологического облика заведомо

смешанных в культурном и физическом отношении популяций и их сопоставление с некоторыми группами населения Камбоджи, Лаоса и Таиланда. При этом наряду с переходными вариантами в населении Юго-Восточной Азии удается выделить два антропологических комплекса, один из которых отнесен автором к индонезийскому типу, а другой – к тай-малайскому. Важное достоинство работы – то, что анализ антропологических признаков проводится на фоне общей канвы этнической истории народов Вьетнама и в связи с демографической спецификой населения отдельных районов этой страны. Убедительно показана роль межэтнического культурного и языкового взаимодействия в процессе формирования антропологического облика современного населения страны. Нельзя не отметить, что работа выполнена в лучших традициях советской и российской школы этнической антропологии. К публикации на русском языке статью подготовили А.Н. Лескин и Г.А. Аксянова.

Статья Г.А. Аксяновой “Итоги антропологических исследований во Вьетнаме” имеет посвящение И.М. Золотаревой, которая сделала очень много для антропологического исследования народов Азии, в том числе и Вьетнама. Продолжая тематику, затронутую в предыдущей работе, статья Г.А. Аксяновой носит, однако, обобщающий характер и систематизирует многочисленные данные по антропологии Вьетнама, полученные с помощью соматологических и одонтологических методик участниками международных академических экспедиций. Широкий подход к осмыслению этого материала позволяет автору прийти к ряду выводов, значение которых выходит далеко за рамки антропологической проблематики собственно народов Вьетнама и Юго-Восточной Азии и вводит читателя в круг общей расовой систематики человека современного типа. По данным автора, разнообразие одонтологических типов населения Вьетнама представляет в миниатюре панораму Юго-Восточной Азии в целом, включая соседние территории, вплоть до Океании. Антропологическое ядро современного населения Вьетнама, по заключению Г.А. Аксяновой, сложилось в результате сложных и длительных процессов взаимодействия между веддоидными с монголоидными (южноазиатскими и восточномонголоидными) группами при участии аборигенных групп, представляющих различные варианты негритоской расы. Системный подход к разработке материалов, продемонстрированный в статье, позволяет автору, оставаясь в целом на традиционных для отечественной антропологии позициях в отношении расовой систематики азиатских монголоидов, в определенной мере укрепить и уточнить эти позиции. В этом контексте важным представляется, в частности, вывод Г.А. Аксяновой о веддоидном (а не австралоидном) компоненте в составе современного населения Юго-Восточной Азии. При этом она не отрицает формообразующей роли австралоидного и протоавстралоидного вариантов, но лишь на очень ранних стадиях локальных расогенезов. Можно также согласиться с автором в том, что для обозначения домонголоидного расового типа населения региона лучше использовать термин “океанийско-экваториальный”, поскольку этот термин не несет в себе этнического содержания.

В статье Н.И. Халдеевой “Возрастные особенности антропозстетического предпочтения типа внешности” речь идет о соотношении процессов онто- и персоногенеза, которые, по мнению автора, составляют единый феномен развития и становления личности и имеют отношение к генетически обусловленной программе жизни индивидуума. С использованием антропологических шкал определялись модели внешности, которым отдавали предпочтение разновозрастные группы детей. Одновременно составлялось антропологическое описание каждого ребенка. Результаты по обеим системам (с привлечением материалов по возрастным группам взрослых) сопоставлялись с помощью метода многомерного шкалирования. Главным результатом проделанной работы стало выявление динамики возрастных особенностей в процессе формирования антропозстетических предпочтений.

В статье Е.З. Годиной “Географическая изменчивость показателей роста и развития: этнические и экологические аспекты” анализируются материалы, касающиеся весо-ростовых показателей детей, принадлежащих к 70 этнотерриториальным группам (более 100 тыс. обследованных индивидов), которые были обработаны с помощью метода множественной регрессии и других приемов многомерной статистики. Автору удалось выявить целый ряд закономерностей между признаками физического развития детей (дифференцированно по полу) и факторами широты и долготы районов проживания этих групп. Установленные зависимости подтверждены на статистическом уровне и убедительно проиллюстрированы графически. В частности было показано наличие западно-восточного градиента в распределении длины тела. Тот факт, что установленная закономерность не распространяется на детей, родившихся и проживающих в городских условиях, справедливо интерпретируется автором, как результат уменьшения влияния природных факторов в условиях более развитой, по сравнению с сельской местностью, социально-экономической структуры, ослабляющей действие реактивно-адаптационных механизмов. Другой важный вывод состоит в том, что у носителей большого этноса могут наблюдаться различия в особенностях их физического строения, связанные с территорией проживания. Представленные в статье данные со всей убедительностью дают дополнительные аргументы в пользу теории о роли экологического и социального факторов в процессе расогенеза человека. Они лишней раз свидетельствуют об объективности факта существования человеческих рас, о причинной независимости биологических (в том числе генетических)

характеристик и признаков популяции, с одной стороны, и внебиологических характеристик этноса, который состоит из этих популяций, с другой. Эти же данные дают еще одно подтверждение постулату об антропологической гетерогенности большого этноса, объясняющейся влиянием на отдельные его территориальные составляющие экологического фактора через механизм стабилизирующего отбора.

Сборник включает статья Л.В. Бец "Эколого-популяционный аспект гормонального статуса человека". Проведенный в работе анализ свидетельствует о существенной роли экологических факторов в формировании особенностей адаптивного оптимума гормональной активности человеческого организма, и с таким заключением можно согласиться. Однако Л.В. Бец не совсем корректно, на наш взгляд, трактует различия по концентрации половых гормонов между популяциями аборигенного, азиатского и европейского населения Замбии как этнические (рис. 5 и пояснения к нему на с. 253–255, табл.1). На самом деле в данном случае речь, конечно же, идет о межрасовых различиях по этим показателям.

Подводя итоги обзора сборника "На путях биологической истории человечества", следует отметить хороший академический уровень его редакционно-издательской подготовки. Эта публикация – важный шаг, свидетельствующий о прочности методологической и методической базы отечественной антропологии.

Примечания

¹ Алексеев В.П. Историческая антропология. М., 1979.

² Алексеева Т.И., Балановская Е.В., Бахолдина В.Ю., Година Е.З., Дубова Н.А., Зубов А.А., Первозчиков И.В., Яблонский Л.Т. Проблема расы в российской физической антропологии. М., 2002.

³ Бунак В.В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. Тр. НИИ антропологии МГУ. Вып. IV. М.; Л., 1938.

⁴ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

⁵ Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма. М., 1999.

⁶ Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.

⁷ Там же.

⁸ Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья...; Он же. Некрополи древнего Хорезма.

⁹ Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

Л.Т. Яблонский

© ЭО, 2003 г., № 6

О.А. Соловьева. Лики власти Благородной Бухары. СПб., 2002. 192 с., ил.

Монография Оксаны Анатольевны Соловьевой представляет собой публикацию ее кандидатской диссертации "Историко-этнографические аспекты традиционной должностной власти и управления в Бухарском эмирате XIX – начала XX веков"¹ и посвящена разработке на конкретном материале одной из ключевых проблем постстарно-политической этнографии (этнополитологии), или политической антропологии – проблемы традиционной политической культуры.

Это исследование продолжает заложенную еще М.С. Андреевым и А.А. Семеновым традицию изучения политической культуры оседлого населения Мавераннахра в целом и традиционной должностной власти и управления в Бухарском эмирате в частности. При этом нельзя сразу же не отметить и чрезвычайную актуальность обсуждаемой работы в современных условиях, если учесть кризисное состояние государственности в странах Средней (Центральной) Азии и необходимость разработки более адекватных подходов к оценкам и прогнозам политического, этносоциального и экономического развития этих новых независимых государств. Другими словами, фундаментальный труд О.А. Соловьевой обладает не только научно-познавательной, но и большой общественно-политической, практической значимостью.

Автору рецензируемой книги вполне удалось представить историческую и функциональную динамику традиционной системы власти и управления Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств в XIX – начале XX в., выявить основные уровни и институты власти, определить ведущие факторы и механизмы взаимодействия политических и постстарных институтов управления, проанализировать управленческую деятельность глав политических институтов и очертить границы их должностных полномочий, а также выделить главные методы управления, описать и исследовать основные категории символов и атрибутов традиционной власти.